

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2025-24-3-478-492>

EDN: PVKVRP

Научная статья / Research article

Туркестанское восстание 1916 г. и его проявления в Бухарском эмирате

Владимир Петрович Литвинов^{a, b} , Рафаэль Амирович Арсланов^c

^a Елецкий государственный университет имени И.А. Бунина, Елец, Россия

^b Институт стратегического анализа и прогноза Кыргызско-Российского Славянского университета, Бишкек, Кыргызстан

^c Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

 vladlenli@yandex.ru

Аннотация: Рассмотрены предпосылки Туркестанского восстания 1916 г., ставшего во многом результатом модернизации присоединенных к России территорий Средней Азии с многомиллионным мусульманским населением. Одним из последствий «встречи» двух систем – российской имперской и местной традиционной – стало обострение национального вопроса, во многом вызванное проведением политики инкорпорации региона. Взаимодействие комплекса факторов, включавшего и переселение русских крестьян, привело к восстанию 1916 г. в Русском Туркестане. Несмотря на рост протестных настроений во всей Средней Азии, в ряде регионов их проявление не приняло насильственные формы. Одной из относительно спокойных территорий оставался Бухарский эмират, хотя и входивший в орбиту Российской империи, но, будучи ее протекторатом, сохранявший ряд специфических черт. Постепенно вращаясь в систему рыночных отношений, он сохранял докапиталистические отношения и родовые пережитки. Проходившая в регионе модернизация вела, с одной стороны, к прогрессивным изменениям в экономике и культуре, а с другой, – к ухудшению жизни большинства населения, обращению его к мусульманской традиции, к росту недовольства центральной и местной властями. Раскрыта политическая и социально-экономическая ситуация в Бухарском эмирате накануне и во время восстания 1916 г. Авторы пришли к выводу, что обстановка в Бухаре и в Туркестанском крае во время восстания 1916 г. во многом имела схожие черты, поскольку сам эмират входил в единое социокультурное и экономическое пространство Средней Азии, испытывая общие со всем регионом последствия его модернизации. Вместе с тем специфика Бухары, например политическая автономность, накладывала отпечаток на проявление протестных настроений.

Ключевые слова: бухарские купцы, восстание в Семиречье, пантюристская пропаганда, русско-бухарские отношения, социально-политическое положение, первая российская модернизация

Заявление о конфликте интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: Все авторы внесли равный вклад в исследование и написание статьи, ознакомились с окончательным текстом и несут равную ответственность.

Для цитирования: Литвинов В.П., Арсланов Р.А. Туркестанское восстание 1916 г. и его проявления в Бухарском эмирате // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2025. Т. 24. № 3. С. 478–492. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2025-24-3-478-492>

© Литвинов В.П., Арсланов Р.А., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License <https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

The Turkestan Uprising of 1916 and its Manifestations in the Emirate of Bukhara

Vladimir P. Litvinov^{a, b} , Rafael A. Arslanov^c

^a Bunin Yelets State University, Yelets, Russia

^b Institute of Strategic Analysis and Forecasting of the Kyrgyz-Russian Slavic University,
Bishkek, Kyrgyzstan

^c RUDN University, Moscow, Russia

 vladlenli@yandex.ru

Abstract: The authors examine the prerequisites for the Turkestan Uprising of 1916, which was largely the result of the modernization of the territories of Central Asia, a region where a multi-million Muslim population annexed to Russia. One of the consequences of a “meeting” of two systems – the Russian imperial one and the local traditional one – was the aggravation of the national question, largely caused by the implementation of the policy of incorporation of the region. The interaction of a set of factors, including the resettlement of Russian peasants, led to the uprising of 1916 in Russian Turkestan. Despite the growth of protest sentiments throughout Central Asia, in a number of regions their manifestation did not take violent forms. One of the relatively calm territories was the Bukhara Emirate, although it was part of the orbit of the Russian Empire, but by being its protectorate, it retained a number of specific features. Gradually growing into the system of market relations, Bukhara’s economy retained pre-capitalist relations and tribal vestiges. The modernization taking place in the region led, on the one hand, to progressive changes in the economy and culture, and on the other, to a deterioration in the quality of life of a majority of the population. Therefore, there was a return to Muslim traditionalism due to the growth of discontent with the central and local authorities. The research reveals the political and socio-economic situation in the Bukhara Emirate on the eve of and during the 1916 uprising. The authors come to the conclusion that the situation in Bukhara and in the Turkestan region during the 1916 uprising had many similar features, since the emirate itself was part of a single socio-cultural and economic spaces of Central Asia and thus experiencing the same consequences of its modernization as the entire region. At the same time, the specifics of Bukhara, for example, political autonomy, left an imprint on the manifestation of protest sentiments.

Keywords: Bukharan merchants, uprising in Semirechye, pan-Turkic propaganda, Russian-Bukharan relations, socio-political situation, first Russian modernization

Conflicts of interest: The authors declare no conflicts of interest.

Authors’ contributions: All authors contributed equally to the research and writing of the article, reviewed the final text and bear equal responsibility.

For citation: Litvinov, V.P., Arslanov, R.A. “The Turkestan Uprising of 1916 and its Manifestations in the Bukhara Emirate.” *RUDN Journal of Russian History* 24, no. 3 (August 2025): 478–492 (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2025-24-3-478-492>

Введение

Актуальность темы статьи определяется необходимостью противопоставить различного рода спекуляциям прошлого Российской империи, представляющим, например, восстание 1916 г. в Туркестане как результат исключительно имперской политики и колониальной эксплуатации Россией народов Средней Азии, объективную картину отношений российского государства и его национальных окраин. Научный взгляд на отзвуки восстания в Бухарском эмирате поможет противодействовать современным политическим манипуляциям, разжигающим антирусские настроения и пытающимися разорвать исторические связи России с современными странами Центральной Азии. Следует учесть, что антирусские выступления в регионе, во многом вызванные действиями имперской бюрократии и усиленные амбициями местной элиты, были результатом не столько ошибок власти, сколько последствий противоречивого процесса модернизации, изучение которых позволяет провести объективный

анализ событий, противостоящий их политизированным трактовкам. Научное значение разработки темы статьи заключается в возможности определить не только предпосылки нарастания национального кризиса в Российской империи, но и специфику распространения недовольства в отдельных ее регионах.

Степень изученности проблемы. На современном этапе накоплено достаточно сведений о восстании 1916 г. в Средней Азии для того, чтобы составить полную картину происходившего и дать ему научную оценку. Само изучение истории Туркестана, Бухарского эмирата и русско-бухарских отношений в частности началось еще в дореволюционный период. Главная ценность появившихся тогда работ состоит в том, что их авторы, как свидетели эпохи, смогли передать дух времени и донести до нас важнейшие детали¹.

В советский период изучение восстания 1916 г. велось в рамках более широкой проблемы – национально-освободительного движения в дореволюционной России. В появившихся общих работах ситуация в Бухарском ханстве эпохи восстания 1916 г. лишь затрагивалась, не получив специального освещения².

Историография постсоветского времени характеризуется разнообразием подходов и мнений. Общую картину сложившейся историографической ситуации темы восстания 1916 г. мы находим в работе А.В. Ганина³. Заслуживает внимания его характеристика доминировавшей в советской историографии и усилившейся в современных исследованиях среднеазиатских авторов тенденции представить народы Туркестана как угнетенные, а правительственную политику в регионе как колониальную. В этом подходе, по мнению ученого, проявилось стремление «скрыть этноконфессиональную основу событий 1916 г.», затушевав антирусскую направленность выступления⁴. Подобные подходы к восстанию 1916 г., основанные к тому же на выборочном и некритическом прочтении источников, мы встречаем в ряде современных работ⁵.

Вместе с тем в последнее время появились исследования, в которых историки из современных государств Центральной Азии, не отказываясь полностью от старых схем и продолжая возлагать основную вину за трагические события 1916 г. на политику имперской администрации⁶, пытаются шире взглянуть на предпосылки восстания. Например, учесть воздействие внешних враждебных России сил⁷.

¹ Бартольд В.В. История культурной жизни Туркестана. Сочинения. М., 1963. Т. 2. Ч. 1; Жуковский С.В. Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие. Пг., 1915; Логофет Д.И. Страна бесправия. Бухарское ханство и его современное состояние. СПб., 1909; Логофет Д.И. Бухарское ханство. Под русским протекторатом. Т. 2. СПб., 1911; Наливкин В.П. Туземцы раньше и теперь. Ташкент, 1913 и др.

² Асфендиаров С.Д. Национально-освободительное восстание 1916 г. в Казахстане. Алма-Ата; М., 1936; Брайнин С., Шапиро Ш. Восстание казахов Семиречья в 1916 году. Алма-Ата; М., 1936; Галузо П. Национально-освободительное движение в Средней Азии в эпоху завоевания русскими // Революция в Средней Азии: Сборник. Ташкент, 1929. Т. 2. С. 82–117; Кастельская З.Д. Основные предпосылки восстания 1916 г. в Узбекистане. М., 1972; Манджара Д.И. Революционное движение в Средней Азии в 1905–1920 гг. Ташкент, 1934; Турсунов Х.Т. Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане. Ташкент, 1962 и др.

³ Ганин А.В. Кровавые уроки шестнадцатого года. Восстание 1916 г. в Семиреченской области // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2016. № 1. С. 94–124. EDN: YGCVFV.

⁴ Там же. С. 95.

⁵ См.: Мухамедов Ш.Б. Восстание 1916 г. в Средней Азии. Взгляд в прошлое // Метаморфозы истории. 2016. № 7. С. 151–181.

⁶ Маджун Д.С. Повод к восстанию 1916 г. в Семиречье и его начало // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 13. Востоковедение. Африканистика. 2016. Вып. 4. С. 28–39. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu13.2016.404> EDN: XGRTYP.

⁷ Маджун Д.С. Влияние внешних сил на ход восстания в Семиречье в 1916 г. // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 3. С. 35–43. <https://doi.org/10.17223/19988613/41/5> EDN: WBKGWX.

В современных работах отечественных авторов содержится комплексный взгляд на истоки, ход и последствия восстания. Заметный вклад в разработку темы внесли такие ученые, как Т.В. Котюкова и П.П. Литвинов⁸. В их трудах само восстание рассматривалось не столько как цепь ошибок центральных и местных властей, сколько как закономерное проявление процесса модернизации, проходившего на территории мусульманской окраины империи и сопряженного с всплеском традиционалистских антирусских настроений, проявившихся даже там, где, как в Бухарском эмирате, практически не было русского населения.

В статье учитывались и современные результаты исследований истории присоединения Средней Азии к России, обобщенные в историографических работах С.Н. Брежневой⁹. Особую ценность представляет проведенный ею анализ положения народов региона в составе Российской империи¹⁰, а также контактов представителей Бухарской и Петербургской элит¹¹.

Таким образом, историографический обзор свидетельствует, что большинство работ, посвященных восстанию 1916 г., касалось только имперских территорий, входивших в состав Туркестанского генерал-губернаторства, а события, происходившие в этот период в Бухарском эмирате, оставались, как правило, за рамками исследований.

Авторы статьи, исходя из предположения о едином социокультурном и экономическом пространстве Средней Азии, об общем историческом контексте ее развития в начале XX в. обращаются к теме в целях не только расширения нашего знания о самом восстании 1916 г., но и определения судеб российских протекторатов.

Цель исследования заключается в выявлении, с одной стороны, предпосылок нарастания протестных настроений населения Бухарского эмирата, сравнимых с другими ареалами Туркестанского края, а с другой, – факторов, не позволивших им принять насильственные формы.

Источниковая база. Работа написана на основе различных видов источников, извлеченных из тематических сборников документов, содержащих материалы из архивов России и бывших среднеазиатских республик¹², а также отдельные материалы из фонда «Среднеазиатский стол» (Ф. 147) Архива внешней политики Российской империи. Кроме того, авторы обращались к источникам личного происхождения¹³.

Методы исследования. В исследовании использовались следующие методы: сравнительный, позволивший рассмотреть общие и особенные черты развития

⁸ Котюкова Т.В. Окраина на особом положении... Туркестан в преддверии драмы. М., 2016; *Ее же*. Восстания в Азиатской России в 1916 г.: неизвестное об известном: Коллективная монография. М., 2017; Литвинов П.П. 1916 год: исторический оптимизм трагедии. Бишкек, 2022 и др.

⁹ Брежнева С.Н. Историография присоединения Туркестанского края к России: Вторая половина XIX – начало XXI в. Дис. ... док. ист. наук. М., 2005. EDN: NOGDKD; *Ее же*. Современная историография русско-азиатских отношений в период присоединения Туркестана к России. Тольятти, 2007. EDN: QRHPX

¹⁰ Брежнева С.Н. Народы Туркестана в составе Российской империи // Российские регионы: взгляд в будущее. 2017. Т. 4. № 1. С. 1–24. EDN: XYGVHN

¹¹ Брежнева С.Н. Визиты правителей среднеазиатских протекторатов России в Санкт-Петербург на рубеже XIX–XX вв.: коммуникативная практика // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2021. Т. 20. № 3. С. 411–425. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-3-411-425> EDN: SOLQRG.

¹² Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. Сборник документов. М., 1960; Сборник договоров России с другими государствами 1856–1917 гг. М., 1952; Восстание 1916 года в Туркестане: Документальные свидетельства общей трагедии: сборник документов и материалов / сост. и автор предисл. Т. Котюкова. М., 2016.

¹³ Чиркин С.В. Двадцать лет службы на Востоке: записки царского дипломата. М., 2006. EDN: QPCQCSX.

Бухарского эмирата; историко-генетический, способствовавший установлению предпосылок взрвания социальной напряженности; системный, дающий возможность реконструировать события в Бухаре 1916 г. в контексте развития всего Русского Туркестана.

Политическая обстановка в Бухарском эмирате в начале XX в.

На рубеже XIX–XX вв. население Бухарского эмирата (ханства)¹⁴ по разным оценкам составляло от 2,5 до 3 млн чел. Соотношение этнических групп приблизительно распределялось следующим образом: узбеки – немногим более половины жителей страны; вторым по численности народом были таджики, составлявшие почти треть населения; около 10 % жителей была представлена туркменами; оставшиеся проценты приходились на долю каракалпаков, евреев, персов-шиитов и прибывавших сюда русских, количество которых стало резко увеличиваться только в начале XX в. По хозяйственно-культурному типу население делилось на оседлых земледельцев – 65 %; кочевников – 25 % и полукочевников – 15 %.

Политическая система Бухарского эмирата сохранила практически все традиционные структуры, существовавшие до прихода России. В политическом плане страна представляла собой классическую восточную деспотию, где власть верховного правителя – эмира была фактически абсолютной. Эмир правил, опираясь на исламское законодательство – шариат и традиции, освященные многовековой практикой. Живший в это время в Средней Азии и хорошо знавший порядки при дворе среднеазиатских правителей В.П. Наливкин отмечал:

Многовековая практика столь широкого игнорирования основных тезисов мусульманского регламента постепенно привела к современному искажению первичных форм мусульманского государственного устройства, к водворению ничем почти не обуздывавшегося произвола правителей и власть имущих лиц¹⁵.

Несмотря на отсутствие реальной оппозиции эмир не мог не учитывать мнение местной элиты: многочисленного духовенства и крупных землевладельцев (баев). При этом духовенство являлось для населения руководителем не только в религиозном, но и политическом отношении¹⁶. Следует учесть неоднородность духовенства: с одной стороны, оно было представлено «причтом» местных мечетей, преподавателями медресе и мектебов, а с другой, – представителями различных суфийских братств, которые в большинстве своем были враждебно настроены к официальному духовенству и представителям ханской власти на местах. По мнению Д.Н. Логофета, именно руководители различных суфийских братств – ишаны были главными зачинщиками большинства народных движений и войн в Бухаре¹⁷.

Интересы крупных землевладельцев в эмирате и в начале XX в. представлял совещательный орган – «джамоа», члены которого назначались эмиром. Однако его роль во времена российского протектората заметно уменьшилась¹⁸.

¹⁴ Правящая в стране династия Мангытов не вела свою родословную от потомков Чингисхана, по этой причине глава государства носил титул эмира, а государство называлось эмиратом. Однако в отечественной историографии утвердился термин «ханство», что дает нам основание использовать оба эти термина как синонимы.

¹⁵ Наливкин В.П. Туземцы раньше и теперь... С. 17.

¹⁶ См.: Логофет Д.Н. Бухарское ханство под русским протекторатом. СПб., 1911. С. 15.

¹⁷ Там же. С. 23.

¹⁸ Тухтаматов Т.Г. Россия и Бухарский эмират в начале XX века. Душанбе, 1977. С. 14.

Отношения Бухарского ханства с Россией определялись комплексом соглашений, в основе которых лежали два международных договора. В июне 1868 г. сразу после завоевания ханства был подписан предварительный договор между эмиром Бухары Музаффаром (1860–1885) и генерал-губернатором Туркестанского края К.П. Кауфманом, определявший территориальные приобретения Российской империи, размер контрибуции и общие принципы взаимоотношений. Надо отметить, что после покорения ханства Россией оно территориально пострадало незначительно, поскольку царские власти помогли эмиру с присоединением к его владениям Кулябского, Шахрисябского, Хисарского и Китабского полунезависимых княжеств и горных областей Дарваза и Каратегина, что в значительной степени компенсировало утрату территорий, отошедших к России.

В октябре 1873 г. в г. Шаар был подписан новый договор между Россией и Бухарой, определявший в общих чертах характер российско-бухарских отношений. Кстати, первая статья этого договора также предполагала территориальные приобретения для Бухары. Россия передавала часть территорий на правом берегу Амударьи, полученных ею в результате похода на Хивинское ханство¹⁹. К началу XX в. границы Бухарского эмирата окончательно стабилизировались, а его территория составила около 200 тыс. кв. км²⁰.

Что касается других пунктов этого договора, то они были прописаны весьма обтекаемо и без видимых выгод и преимуществ для России. В отношении этого договора Логофет писал:

Любопытный договор представлял собой редкий случай, вероятно, еще до тех пор не встречавшийся на практике ни одной из стран, когда завоеватель сам лично связывал себя всякого рода положениями, чтобы лишиться себя даже возможности впоследствии получить какие бы то ни было результаты от своего завоевания²¹.

Позже отдельные пункты договора 1873 г. были расширены и уточнены. Во многом это стало вынужденной мерой, так как с 1880-х гг. в Бухару начинает активно проникать российский капитал, строиться железная дорога, расширяться ирригационная система. Развивающиеся торгово-экономические отношения требовали новой правовой базы. В связи с этим в 1885 г. по соглашению с эмиром в Бухаре было учреждено Российское императорское политическое агентство, которое стало официальным представительством России в стране²². Надо отметить, что учреждение этого органа было политической уступкой бухарскому эмиру, считавшего себя независимым правителем, имевшим право на непосредственные отношения с русским двором. Кроме того, после смерти К.П. фон Кауфмана, первого туркестанского генерал-губернатора, его преемники не получили так называемой «золотой грамоты», дававшей право прямого сношения с соседними государствами, поэтому в Бухару был направлен политический агент, который представлял российский МИД. Однако он должен был согласовывать свою деятельность с генерал-губернатором Туркестанского края, и это уже была уступка тогдашнему генерал-губернатору Туркестанского края Н.О. Розенбаху. Политический агент, помимо консульских функций и охраны личных, имущественных и торговых интересов русских поддан-

¹⁹ Сборник договоров России с другими государствами 1856–1917 гг. М., 1952. С. 135.

²⁰ История народов Узбекистана. Ташкент, 1947. С. 41.

²¹ Логофет Д.Н. Бухарское ханство... С. 22.

²² Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – Об учреждении Политического Агентства в Бухаре. 12 ноября 1885 года // ПСЗРИ-3. СПб., 1887. Т. 5. № 3274. С. 453.

ных, занимался надзором за административной и хозяйственной деятельностью в русских поселениях эмирата, тем самым исполняя отчасти функции генерал-губернатора на вверенной территории.

Социально-экономическое положение Бухары в начале XX в.

В развитие положений договора 1873 г. под руководством бухарского эмира Абдул-Ахада (1885–1910) и туркестанского генерал-губернатора Н.О. Розенбаха в июне 1888 г. были разработаны «Протокол дополнительных правил», а также «Правила об управлении, хозяйстве, и благоустройстве поселений близ железнодорожных станций Чарджуй и Бухара»²³. Документы подписали: с российской стороны – Императорский политический агент в Бухаре Н.В. Чарыков, с бухарской – зякетчи-калон Астанакул-бий, инак²⁴. В них были выделены земли под новые города и поселки и оговорены правила, регламентирующие жизнь русских поселений. После этого количество русских переселенцев в Бухарский эмират стало расти. Они основали Новую Бухару, Новый Чарджоу, Керки, Термез, Фараб, Сарай и еще несколько поселений на территории эмирата, в которых в начале XX в. проживало более 60 тыс. русских подданных²⁵.

В 1880-е гг. началось строительство Закаспийской железной дороги, которая прошла через плодородную долину Зеравшана, лежащую в центре ханства, и активизировала приток русского капитала и переселенцев.

В 1895 г. Бухара была включена в таможенную черту России, что превратило ее, по сути, во внутренний российский рынок. Это еще больше расширило торгово-экономические отношения двух стран. Из России в Бухару шли мануфактурные изделия, сахар, керосин, посуда, изделия из металлов, а из Бухары: хлопок, каракуль, шелк и сухофрукты. Крупные бухарские купцы закредитовывались в российских банках и получали продукцию под реализацию. Российское правительство пыталось провести денежную реформу в ханстве, однако из этой затеи ничего не вышло.

Несмотря на развитие торговли с Россией и рост промышленного производства социально-политическая ситуация в начале XX в. в Бухарском эмирате продолжала оставаться сложной. Главным бенефициарами подъема экономики страны стал эмир и его приближенные. Бухарский эмир был одним из самых богатых людей страны, ему принадлежало несколько хлопкоочистительных заводов, на которые поставляли хлопок за бесценнок местные крестьяне. Помимо этого, эмир занимался скупкой и перепродажей в Россию каракуля, что давало ему до 15 млн ежегодно²⁶. Известно, что в начале XX в. эмир Абдул-Ахад держал в государственном банке России около 27 млн руб. и более 7 млн руб. в частных банках²⁷. В начале XX в. заметно выросли доходы и местных торговцев, если во второй половине XIX в. богатым считался человек с 10–15 тыс. дохода, то в начале XX в. тот же статус определялся полумиллионным состоянием. Со временем эмир обзавелся собственностью в России, у него имелся дом Санкт-Петербурге, дачи в Крыму, Кисловодске и Железнодорожке, которые

²³ Протокол дополнительных правил от 23 июня 1888 // *Логофет Д.Н.* Страна бесправия. Бухарское ханство и его современное состояние. СПб., 1909. С. 219–221; Правила об управлении, хозяйстве, и благоустройстве поселений близ железнодорожных станций Чарджуй и Бухара // Там же. С. 221–224.

²⁴ Зякетчи-калон – верховный сборщик податей (министр финансов); инак – придворный чин, приравненный к российскому тайному советнику.

²⁵ *Тухтаматов Т.Г.* Россия и Бухарский эмират в начале XX века... С. 18.

²⁶ *Бартольд В.В.* История культурной жизни Туркестана... С. 425.

²⁷ *История народов Узбекистана...* С. 407.

он посещал достаточно часто для поправки здоровья. Кроме того, нередко эмир Абдул-Ахад посещал Россию с официальными визитами «как владетель Бухары», где его неизменно встречали на самом высоком уровне и по высшему разряду. Современный исследователь С.Н. Брежнева отмечает, что подобным встречам предшествовали долгие согласования между министерствами Императорского двора, Кабинетом Его Императорского Величества, военным министерством²⁸.

Сложная социально-политическая обстановка в ханстве в начале XX в. давала почву для народных волнений, чем пользовались разведки разных стран. Наиболее активно в ханстве работали турецкие и британские агенты. Приезжавшие в страну турецкие эмиссары вели среди населения панисламистскую и пантюркистскую пропаганду. В страну тайно в больших количествах ввозились турецкие газеты, брошюры и прокламации, в которых суннитов призывали к свержению Абдул-Ахада как ставленника России²⁹. Кроме антирусской пропаганды, в своей работе турецкая агентура широко использовался шиитский фактор, который был направлен напрямую против эмира и его правительства. В эмирате проживало около 150 тыс. персов-шиитов³⁰. Несмотря на столь незначительное количество, шииты господствовали в администрации ханства, в торговле и армии, что вызывало обоснованное раздражение у суннитской части населения. Действительно, эмир в основном опирался на шиитов, как на более преданных слуг, а сунниты были отодвинуты на второй план. Надо отметить, что среди шиитов было немало тех, кто к началу XX в. принял русское подданство.

Пантюркистская пропаганда особенно напирала на тот факт, что Абдул-Ахад по матери был иранцем, а его сын Сейид-Алим учился в Петербурге и был воспитан в христианском духе. Турецкая агентура, подливая масла в огонь, добилась своего – в январе 1910 г. в Бухаре вспыхнуло антишиитское восстание, переросшее в кровопролитную резню. В событиях, связанных с восстанием, разведки работали с обеих сторон, с одной стороны – пантюркистские силы, подстрекаемые турецкой агентурой, а с другой, – иранцы, чьи настроения подогревали английские агенты, которые находились как в самом ханстве, так и за его пределами. Исследователь Т.Г. Тухтаматов указывает, что, например, английским агентом оказался Мир Хайдар Мирбадалев, который при старом хане был представителем бухарского правительства при Российском политическом агенте, а позже заведовал Русской канцелярией в ханском правительстве.

В декабре 1910 г. умер Абул Ахад и на престол вступил его сын Сейид Мир Алим-хан. Надо отметить, что новый хан не имел выдающихся политических способностей. Сам Абдул Ахад сильно сомневался в них, называя сына за лень и излишнюю тучность «олим гов» («корова Алим»)³¹. Однако кандидатура преемника была согласована еще во время официального визита Абул-Ахада в Санкт-Петербург в 1893 г. После чего Сейид Алим в течение трех лет учился в Николаевском кадетском корпусе, где он не проявлял должной прилежности и тяги к наукам, но зато приобрел полезные знакомства среди русской элиты. В Бухару он вернулся уже с официальным титулом «Наследника Его Высочества Бухарского эмира»³².

²⁸ Брежнева С.Н. Визиты правителей... С. 423.

²⁹ Тухтаматов Т.Г. Россия и Бухарский эмират... С. 45.

³⁰ Там же. С. 31.

³¹ Абдулаев К.Н. От Синьцзяна до Хорасана. Из истории среднеазиатской миграции XX в. Душанбе, 2009. С. 162.

³² Брежнева С.Н. Визиты правителей... С. 416.

События января 1910 г. показали, что эмир был беспомощен в военном и полицейском отношении. В ходе восстания пострадали более 500 чел. убитыми и ранеными³³. Россия в начале событий мало чем смогла помочь эмиру, поскольку не имела реальных военно-полицейских сил в ханстве. Здесь находилась лишь одна стрелковая рота, которая в разгар народных волнений взяла под контроль русские учреждения – отделения банков, почтово-телеграфную контору, таможенную и склады русских купцов. Полицейские возможности России в ханстве ограничивались лишь одним полицейским чиновником, который находился в Бухаре с 1908 г. Однако уже в марте 1911 г. по договору с новым эмиром в ханстве было создано полицейское управление со штатом в 12 чел., деятельность которого, однако, осуществлялась за счет ханской казны. Управление напрямую подчинялось Российскому политическому агенту и начальнику Туркестанского районного охранного отделения – учреждения Департамента полиции МВД России. Для упреждения деятельности иностранной агентуры в ханстве, Политическому агенту было придано несколько опытных разведчиков из Туркестанского края.

Узбекский историк А.Х. Хамраев характеризовал шиитскую резню 1910 г. в Бухаре следующим образом:

События в январе 1910 г. в Бухаре являлись, по существу, продолжением и обострением борьбы двух феодальных группировок в правящих кругах Бухарского эмирата за власть, за господство в правлении, в эксплуатации трудящихся масс³⁴.

Положение местного крестьянства действительно было тяжелым, по данным, которые приводит К.Н. Абдулаев, в Бухаре взыскивалось свыше 50 видов различных налогов и сборов³⁵. Значительная часть податей оседала в бездонных карманах ханской администрации и местных беков. Как правило, вновь назначенный бек привозил с собой своих родственников, которые занимали все ключевые посты в местной администрации, что только усугубляло произвол и безудержную алчность чиновников, основанных на круговой родственной поруке. В Бухаре существовала практика – за службу в администрации жаловали землями и населением в крепостную зависимость, с возможностью взыскивать до 1/3 доходов. Логофет подсчитал количество чиновников в Бухарском эмирате, оно составляло внушительную цифру в 50 тыс.³⁶ Содержание этой армии бездельников ложилось на плечи местного населения, и это не считая местного духовенства, которое было тоже весьма многочисленным. Рассматривая положение местного крестьянства, Логофет пишет:

Покорное и веками забитое население безропотно несет эту страшную непосильную тягу, уплачивая в то же время массу пошлин: духовных и судебных, а также и огромное количество штрафов за каждый даже самый незначительный поступок. Все подати, сборы и штрафы взыскивались с беспощадной строгостью, до правежа включительно³⁷.

В первые десятилетия XX в. налоговый гнет только усиливался. Ряд исследователей отмечают, что если в прежние времена были нередки мятежи, вызванные несправедливостью при сборе налогов, то при российском присутствии они отошли

³³ Логофет Д.И. Бухарское ханство... С. 280.

³⁴ Хамраев А.Х. К вопросу о январских событиях в 1910 г. в Бухаре // Труды Среднеазиатского государственного университета. Новая серия. Ташкент, 1955. Вып. 57. С. 70.

³⁵ Абдулаев К.Н. От Синьцзяна до Хорасана... С. 66.

³⁶ Логофет Д.И. Страна бесправия... С. 36.

³⁷ Там же. С. 3.

в область преданий. Эмир и его правительство, опираясь на силу и авторитет русской власти, выжимало из населения последнее. Нередко в ханстве циркулировали слухи, которые, видимо, распускались специально, что сбор налогов ведется в интересах русских, обложивших Бухару огромными податями. Все это принималось на веру местным доверчивым населением. Хорошо знавший положение бухарского населения Наливкин эмоционально написал о населении Бухары: «Народ был стадом, которое пасли, т.е. нещадно били и непрестанно стригли»³⁸.

Восстание 1916 г. и события в Бухаре

С началом Первой мировой войны социально-экономическая ситуация в Бухарском эмирате резко ухудшилась. Россия, обеспечивая возросшие собственные потребности, сократила поставки зерна в регион. Ввоз промышленных товаров также резко сократился, при этом вывоз сырья и продуктов питания, производящихся в ханстве, резко вырос. В связи с этим положение местного населения, и без того тяжелое, еще более ухудшилось. Например, рыночная цена хлеба, составлявшая в первое десятилетие XX в. 2 руб. 50 коп. в 1916 г. поднялась до 81 руб.³⁹ Поскольку цену на хлопок Россия потребовала зафиксировать, то она выросла к 1916 г. лишь на 50 %. Несмотря на тяжелейшее положение основной части населения Бухары во время войны ситуация в целом была спокойная. Дипломатический чиновник при туркестанском генерал-губернаторе С.В. Чиркин отмечал:

Так или иначе, во время войны Туркестан жил довольно мирной жизнью. Особенно спокойно было в Бухаре, где влияния эмира и близость к Ташкенту могли поддержать спокойствие⁴⁰.

Ситуация в Средней Азии резко изменилась после начала восстания летом 1916 г. в Семиречье, поводом к которому стал царский указ от 25 июня 1916 г. о мобилизации инородческого населения для работ по устройству оборонительных сооружений, и военных сообщений в тыловых районах действующей армии. Следует отметить, что сама война воспринималась местными мусульманами, как освободительная борьба Турции против порабощения восточных народов европейцами. Кроме того, они не понимали целей и причин этой войны и не видели выгоды для себя от участия в ней, не идентифицировали себя с Российской империей. Безусловно, в первую очередь это касалось мусульман, проживавших в Туркестанском крае. Вместе с тем, многие из них, особенно кочевники, были настроены антитурецки и помогали фронту.

Таджикский исследователь Х. Пирумшоев отмечает, что бухарские власти старались не допускать в ханство сведения о восстании 1916 г. в Туркестанском крае, однако они просачивались через торговцев, а также евреев, бежавших из края в Афганистан⁴¹. Мы полагаем, что все было гораздо проще – еще в дороссийский период в Средней Азии сложилось единое информационное пространство, отличавшееся «цепной реакцией» на все происходившие там события. Поэтому слухи о восстании в Туркестане появились в ханствах буквально вслед за его началом – 4 июля 1916 г. И уже 5 июля драгоман Российского императорского политического агентства в Буха-

³⁸ Наливкин В.П. Туземцы раньше и теперь... С. 31.

³⁹ Усмонов Н.Н. События 1916 г.: не назревшая революция и национально-освободительная борьба // Вестник Таджикского педагогического университета им. С. Айни. С. 244.

⁴⁰ Чиркин С.В. Двадцать лет службы на Востоке... С. 222.

⁴¹ Международное совещание «Переосмысление восстания 1916 года в Центральной Азии»: сб. статей. Бишкек, 2017. С. 79.

ре Н.А. Шульга телеграфировал в Ташкент о том, что бухарские муллы «мутят воду», призывая помочь повстанцам в Туркестанском крае⁴². В тот же день он сообщил исправляющему должность туркестанского генерал-губернатора, генерал-лейтенанту М.Р. Ерофееву о том, что в Бухаре распространяется мнение, что призыв мусульман Туркестанского края на тыловые работы – это начало их привлечения к воинской повинности⁴³. Одновременно сам Политический агент в Бухаре телеграфировал в 3-й Политический отдел Министерства иностранных дел о том, что в Бухарском эмирате весьма живо обсуждали указ русского царя о призыве «туземцев» Туркестанского края на тыловые работы, говорили о слабости русских военных сил и желании пополнить их за счет мусульман Туркестанского края. Муллабачи (студенты медресе) Бухары говорят о том, что возможен призыв на войну и бухарских подданных⁴⁴. Вышеупомянутый Н.А. Шульга телеграфировал 12 июля 1916 г. управляющему 3-м Политическим отделом МИД В.О. фон Клемму о том, что 2 июля 1916 г. исправляющий должность туркестанского генерал-губернатора, генерал-лейтенант М.Р. Ерофеев собрал совещание по вопросу о призыве «туземцев» края на тыловые работы. В частности, военный губернатор Самаркандской области, генерал-майор Н.С. Лыкошин предложил повлиять на бухарского эмира с тем, чтобы тот послал своей отряд рабочих на тыловые работы. Но Шульга заявил о том, что такой шаг нежелателен, так как идет сбор нужного для военного времени хлопка, а это требует многих рабочих рук⁴⁵. Шульга сообщал Клемму о том, что в целом положение в Бухарском ханстве спокойное⁴⁶. Вместе с тем 15 июля 1916 г. он информировал туркестанского генерал-губернатора и 3-й Политический (Среднеазиатский) отдел Министерства иностранных дел о том, что отзвуки восстания «туземцев» Туркестанского края усиливаются и в Бухарском ханстве, где они подогреваются враждебными силами извне. Шульга отмечал, что повстанцы в Самаркандской области подают дурной пример бухарцам и если они побегут на территорию эмирата, то «нынешнее благоприятное положение <...> может измениться»⁴⁷.

Согласно статье 7-й соглашения от 23 июня 1888 г. надзор за приобретением земель и устройством российских подданных в поселках эмирата был делом полиции. Но статус полиции Соглашение 1888 г. не определяло. Юрисконсультская часть Министерства иностранных дел России писала 15 сентября 1915 г. в 3-й Политический отдел своего ведомства о том, что надо установить твердую военно-полицейскую власть в русских поселках Бухарского ханства, то есть сохранить тот порядок работы полиции, который сложился после подписания Соглашения 1888 года и вне его содержания. Он должен основываться на российских законах о полиции⁴⁸. Российский императорский политический агент в Бухаре А.К. Беляев телеграфировал 12 июля 1916 г. под грифом «совершенно секретно» управляющему 3-м Политическим отделом Министерства иностранных дел В.О. фон Клемму о том, что в Старой Бухаре установлено наблюдение русской и «туземной» полиции за прибывающими

⁴² Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. Сборник документов. М., 1960. С. 59.

⁴³ Восстание 1916 года в Туркестане: документальные свидетельства общей трагедии. Сборник документов и материалов. М., 2016. С. 162.

⁴⁴ Среднеазиатское (Туркестанское) восстание 1916 г. Документы и материалы Архива внешней политики Российской империи. Бишкек, 2015. Т. 1. С. 86.

⁴⁵ Восстание 1916 года в Туркестане: документальные свидетельства общей трагедии... С. 164.

⁴⁶ Там же. С. 165.

⁴⁷ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. 147. Оп. 486. Д. 343 «б». Л. 174.

⁴⁸ Среднеазиатское (Туркестанское) восстание 1916 г. Документы и материалы Архива внешней политики Российской империи. Бишкек, 2015. Т. 1. С. 120.

людьми из Русского Туркестана. В Бухаре ходит много разных слухов о необходимости помощи туркестанским мусульманам⁴⁹. Н.А. Шульга телеграфировал 15 июля 1916 г. управляющему 3-м Политическим отделом Министерства иностранных дел В.О. фон Клемму о том, что «установлено в Старой Бухаре наблюдение русской и туземной полиции за приезжающими русско-подданными мусульманами»⁵⁰. Полиция охраняет водопровод и патрулирует по городу. Положение будоражат слухи о беспорядках в Туркестанском крае. Шульга сообщал, что он попросил полицию не предпринимать лишних мер, а ограничиться одним лишь надзором. Просил прислать одну роту для обеспечения безопасности на случай, если из Самаркандской области в Бухару хлынут бунтующие массы⁵¹. Исправляющий должность дипломатического чиновника при туркестанском генерал-губернаторе П.П. Секретарев телеграфировал 18 июля 1916 г. в 3-й Политический отдел МИД России о том, что для охраны железнодорожной станции «Новая Бухара» в распоряжение Политического агентства в Бухаре отправлена одна рота солдат из Катта-Кургана. Кроме того, туда были направлены 2 офицера и 62 нижних чинов⁵².

В Старой Бухаре полицию возглавлял немец Вельман. В связи с тем, что с началом войны в Туркестанском крае росли антигерманские настроения, он стал объектом интереса региональной «охранки». Осведомитель Туркестанского районного охранного отделения «Шахрисябский» писал 30 октября 1916 г. в Ташкентский розыскной пункт о том, что

Начальник полиции города Старой Бухары Вельман, человек еще молодой и любитель вина и женщин. Весною сего года он действительно устраивал совместно с банковскими заправилами пикники с дамами, кажется, легкого поведения, но сведений о том, чтобы на этих пикниках проносились тосты за здоровье германского императора не поступало. Чины полиции недовольны Вельманом и в конце сентября подавали на него жалобу, но кто именно и по какому случаю – неизвестно⁵³.

Безусловно, большинство простого населения Бухарского эмирата сочувствовали туркестанским повстанцам. Их поддерживали некоторые видные представители бухарской администрации, духовенства и делового мира. Особое по воинской повинности присутствие при Самаркандском уездном правлении докладывало военному губернатору Самаркандской области, генерал-майору Н.С. Лыкошину о том, что предводители восстания в Джизакском уезде поддерживали связи с соседними беками Бухарского ханства и отдельными влиятельными бухарцами⁵⁴. Однако большинство предпринимателей эмирата были связаны с торгово-экономическим миром России и восстание против выгодной им власти в Империи противоречило их интересам. Политическое агентство в Бухаре телеграфировало 22 июля 1916 г. в 3-й Политический отдел МИД России о том, что 20 крупнейших бухарских купцов заявили Агенту о том, что население Бухары негодует по поводу мятежных действий самаркандцев и готовы всемерно поддержать русские власти в Туркестанском крае. Политический агент поблагодарил бухарское купечество⁵⁵. Против восстания в Туркестанском крае

⁴⁹ Среднеазиатское (Туркестанское) восстание 1916 г. Документы и материалы Архива внешней политики Российской империи. Бишкек, 2015. Т. 1. С. 95–96.

⁵⁰ Восстание 1916 года в Туркестане: документальные свидетельства общей трагедии... С. 167.

⁵¹ Там же. С. 168.

⁵² Среднеазиатское (Туркестанское) восстание 1916 г. Документы и материалы Архива внешней политики Российской империи... С. 99.

⁵³ Восстание 1916 года в Туркестане: документальные свидетельства общей трагедии... С. 248.

⁵⁴ Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане... С. 139–140.

⁵⁵ Среднеазиатское (Туркестанское) восстание 1916 г. Документы и материалы Архива внешней политики Российской империи... С. 101.

выступала и бухарская интеллигенция, в том числе многие джадиды – сторонники реформ в эмирате и противники ханской власти.

Учитывая, что царская власть понесла серьезные расходы на подавление восстания «туземного» населения Туркестанского края, бухарские власти усилили работу по привлечению средств для их погашения. Политический агент в Бухаре Миллер писал 3 декабря 1916 г. туркестанскому генерал-губернатору А.Н. Куропаткину и в 3-й Политический отдел Министерства иностранных дел о том, что сановники эмирата, купцы, интеллигенты и бухарские евреи подписались в 1916 г. на военный заем на сумму в 2.021.800 руб.⁵⁶

Заключение

При рассмотрении событий 1916 г. авторы исходили из того, что Туркестанский край, Бухарский эмират и Хивинское ханство составляли в целом единое пространство Средней Азии, народы которой имели общие исторические судьбы, сложившиеся задолго до появления России в регионе. В период трагических событий 1916 г. они не могли не взаимодействовать между собой в общем процессе исторического развития.

Выявленные факты свидетельствуют о том, что ситуация в среднеазиатских ханствах до и во время восстания коренного населения Туркестанского края во многом имела схожие черты. Во-первых, сказывались последствия процесса модернизации, осложненные тяготами Первой мировой войны; во-вторых, росло недовольство местного населения своими властями; наконец, в-третьих, назревал общий для Средней Азии национальный кризис, сопряженный с нарастанием религиозного фундаментализма и традиционализма, усиленными внешней пропагандой. Само восстание 1916 г. в Туркестане вело к обострению противоречий в среднеазиатских ханствах и в итоге так «наэлектризовало» их население, что оно отвернулось от правящих там режимов, поддержав в будущем действия оппозиционных сил, которые и привели к их падению.

Однако назревающий кризис, несмотря на наличие ряда общих со всем регионом черт, не вылился в массовые волнения. Представляется, что стабилизирующую роль здесь сыграли особенности эмирата. Прежде всего следует учесть специфику его политического положения: автономия эмирата становилась буфером, смягчающим неприязнь к царской администрации, вуалирующим ее промахи и обращающим нарастающее недовольство против местной власти. Свою роль сыграла и позиция бухарской элиты, заинтересованной в сохранении стабильности и укреплении экономических связей с центром. В итоге это лишало потенциальных бунтовщиков руководителей и поджигателей, подобных тем, которые действовали в Семиречье. Кроме того, эмират не знал переселения, и отношение к малочисленному русскому населению здесь было менее враждебным или, скорее, более нейтральным, чем в Русском Туркестане. Превентивные действия русской администрации, усиление полицейского присутствия в определенной мере смягчили воздействие внешней пропаганды, блокировали проявление насильственных форм недовольства.

Поступила в редакцию / Submitted: 9.03.2025

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 23.07.2025

Принята к публикации / Accepted for publication: 24.07.2025

⁵⁶ АВПРИ. Ф. 147. Оп. 486. Д. 343 «б». Л. 241.

References

- Abdulaev, K.N. *Ot Sin'tsiana do Khorasana. Istoriia sredneaziatskoi migratsii XX v.* [From Xinjiang to Khorasan. From the history of Central Asian emigration of the twentieth century]. Dushanbe: Ifron Publ., 2009 (in Russian).
- Asfendiarov, S.D. *Natsional'no-osvoboditel'noe vosstanie 1916 g. v Kazakhstane* [The National Liberation Uprising of 1916 in Kazakhstan]. Alma Ata; Moscow: Kazhastanskoe kraevoe izdatelstvo Publ., 1936 (in Russian).
- Bartol'd, V.V. *Istoriia kul'turnoi zhizni Turkestana* [The history of the cultural life of Turkestan]. Moscow: Vostochnaia literature Publ., 1963 (in Russian).
- Brainin S., and Shapiro, Sh. *Vosstanie kazakhov Semirech'ia v 1916 godu* [The uprising of the Kazakhs of Semirechye in 1916]. Alma-Ata; Moscow: Kazhastanskoe kraevoe izdatelstvo Publ., 1936 (in Russian).
- Brezhneva, S.N. *Istoriografiia prisoedineniia Turkestanskogo kraia k Rossii: Vtoraia polovina XIX – nachalo XX v.* [Historiography of the annexation of the Turkestan region to Russia: Second half of the 19th – beginning of the 21st century]. PhD thesis, Lomonosov Moscow State University, 2005 (in Russian).
- Brezhneva, S.N. *Sovremennaia istoriografiia russko-aziatskikh otnoshenii v period prisoedineniia Turkestana k Rossii* [Modern historiography of Russian-Asian relations during the period of Turkestan's accession to Russia]. Tolyatti: TGUS Publ., 2007 (in Russian).
- Brezhneva, S.N. "Narody Turkestana v sostave Rossiyskoi imperii [The peoples of Turkestan as part of the Russian Empire]." *Rossiiskie regiony: vzgliad v budushchee* 4, no. 1 (2017): 1–24 (in Russian).
- Brezhneva, S.N. "Visits of the Rulers of the Central Asian Protectorates of Russia to St. Petersburg at the turn of the 19th – 20th Centuries: Communicative Practice." *RUDN Journal of Russian History* 20, no. 3 (2021): 411–425 (in Russian), <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-3-411-425>
- Chirkin, S.V. *Dvadsat' let sluzhby na Vostoke: zapiski tsarskogo diplomata* [Twenty years of service in the East: notes of a tsarist diplomat]. Moscow: Russkii put' Publ., 2006 (in Russian).
- Galuzo, P. "Natsional'no-osvoboditel'noe dvizhenie v Srednei Azii v epokhu zavoevaniia russkimi [The national liberation movement in Central Asia in the era of the Russian conquest]." In *Revolutsiia v Srednei Azii*, 82–117. Tashkent: XV let Kirgizskoi SSR Publ., 1929 (in Russian).
- Kastel'skaia, Z.D. *Osnovnye predposylki vosstaniia 1916 g. v Uzbekistane* [The main prerequisites of the 1916 uprising in Uzbekistan]. Moscow: Nauka Publ., 1972 (in Russian).
- Khamraev, A.Kh. "K voprosu o ianvarskikh sobytiakh v 1910 g. v Bukhare [On the issue of the January events in 1910 in Bukhara]." *Trudy Sredneaziatskogo gosudarstvennogo universiteta. Novaia seriia* 57 (1955): 54–89.
- Logofet, D.I. *Strana bespravii. Bukharskoe khanstvo i ego sovremennoe sostoianie* [A country of lawlessness. The Bukhara Khanate and its current state]. St. Petersburg: Berezovskii Publ., 1909 (in Russian).
- Logofet, D.I. *Bukharskoe khanstvo. Pod russkim protektoratom* [The Bukhara Khanate. Under Russian protectorate]. St. Petersburg: Berezovskii Publ., 1911 (in Russian).
- Litvinov, P.P. *1916 god: istoricheskii optimist tragedii* [1916: The historical optimism of tragedy]. Bishkek: Kyrgyzsko-Rossiiskii Slavyanskii universitet imeni B.N. El'tsina Publ., 2022 (in Russian).
- Mandzhara, D.I. *Revolutsionnoe dvizhenie v Srednei Azii v 1905–1920 gg.* [Revolutionary movement in Central Asia in 1905–1920]. Tashkent: Sredazpartizdat Publ., 1934 (in Russian).
- Nalivkin, V.P. *Tuzemtsy ran'she i teper'* [Natives before and now]. Tashkent: Turkestanskii tovarishchestva Pechatnogo Dela Publ., 1913 (in Russian).
- Tukhtametov, T.G. *Rossii i Bukharskii emirat v nachale XX veka* [Russia and the Emirate of Bukhara in the early twentieth century]. Dushanbe: Irfon Publ., 1977 (in Russian).
- Usmonov, N.N. "Events of 1916: this is not a growing revolution or national-liberatory fight." *Herald of the Pedagogical University*, no. 4 (2018): 242–249 (in Russian).
- Zhukovskii, S.V. *Snosheniia Rossii s Bukharoi i Khivoi za poslednee trekhstotletie* [Russia's relations with Bukhara and Khiva over the last three hundred years]. Petrograd: tipo-litografiia N.I. Evstifeeva Publ., 1915 (in Russian).

Информация об авторах / Information about the authors

Владимир Петрович Литвинов, доктор исторических наук, доцент, доцент кафедры истории и историко-культурного наследия, Елецкий государственный университет имени И.А. Бунина; Россия, 399770, Елец, ул. Коммунаров, 28; старший научный сотрудник Института стратегического анализа и прогноза, Кыргызско-российский славянский университет имени Б.Н. Ельцина; Кыргызская Республика, 724330, Бишкек, проспект Чуй, 42; vladlenli@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7082-9805>; SPIN-код: 3537-7503.

Рафаэль Амирович Арсланов, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России, Российский университет дружбы народов; Россия, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6; arslanov-ra@rudn.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3488-7917>; SPIN-код: 1337-2481.

Vladimir Petrovich Litvinov, Dr. Habil. Hist., Associate Professor, Associate Professor of the Chair of History and Historical and Cultural Heritage, Bunin Yelets State University; 28 Kommunarov Str., Yelets, 399770, Russia; Senior Researcher at the Institute of Strategic Analysis and Forecasting, Kyrgyz-Russian Slavic University; 42 Chui Av., Bishkek, 724330, Republic of Kyrgyzstan; vladlenli@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7082-9805>; SPIN-code: 3537-7503.

Rafael Amirovich Arslanov, Dr. Habil. Hist., Professor, Professor of the Russian History Department, RUDN University; 6, Miklukho-Maklaya Str., Moscow, 117198, Russia; arslanov-ra@rudn.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3488-7917>; SPIN-code: 1337-2481.